Текст · 3 ноября 2021, 09:17
Олег Зурман,

Непрофессиональное заболевание. Почему родственникам умерших от ковида врачей отказывают в получении путинских компенсаций

В Астрахани семья умершего от коронавируса психиатра почти полгода ждала компенсации от государства, однако врачебная комиссия заключила, что связи между приемом пациентов и заражением ковидом нет. Родственники обратились в суд, но проиграли. Это далеко не единственная история, когда смерть медика от коронавируса не хотят признавать страховым случаем. Хотя Минздрав указывал, что все сомнения в вопросе ковидных компенсаций должны трактоваться в пользу врачей, на деле доказать связь между смертью медработника и его профессиональной деятельностью довольно сложно.

Последние несколько лет астраханец Артур Айсаев работал в областной клинической психиатрической больнице. Осенью 2020 года, во время очередного обострения пандемии коронавируса, больница продолжала работать в штатном режиме, а 59-летний психиатр Айсаев, как и другие медики, вел ежедневный прием пациентов.

«Это были и бездомные люди, и страдающие алкогольной зависимостью; люди, которые приезжали из сел, и которым нужно было пройти диспансеризацию у психиатра; люди, которым нужны были водительские права — они тоже проходили психиатра. Было очень много людей,

целый поток», — рассказывает «Медиазоне» его дочь Люция Айсаева.

Родственники врача говорят, что 3 ноября к нему на прием пришла женщина, которая очень сильно кашляла, а уже в конце рабочего дня Айсаев почувствовал себя плохо. «Этот случай он обсудил даже с медсестрой, которая сидела с ним в одном кабинете», — добавляет дочь медика. При этом она не исключает, что ее отец мог заразиться и раньше, в октябре.

Артур Айсаев не сразу придал значение своему ухудшающемуся состоянию и продолжал исправно ездить на работу еще две недели, пока 20 ноября ему не стало совсем плохо: после обеда он был вынужден отпроситься домой.

Отдел областной клинической психиатрической больницы, где работал Артур Айсаев. Фото: Ляйля Гимадеева / Медиазона

Всю следующую неделю он пролежал дома с температурой и признаками ковида, а его состояние с каждым днем ухудшалось.

Родные медика звонили в скорую помощь несколько раз в день, но каждый раз диспетчеры ссылались на нехватку машин или вообще не отвечали на звонки. Кроме того, в скорой говорили, что госпитализировать 59-летнего мужчину они могут лишь в том случае, если поражение легких будет более 70%, утверждает Люция Айсаева.

29 ноября Артура Айсаева в тяжелом состояния все же госпитализировали в Александро-Мариинскую областную больницу, где спустя несколько часов психиатр скончался. Причиной смерти стала пневмония и осложнения, вызванные COVID-19.

«Бытовой способ инфицирования»

Согласно указу Владимира Путина, изданному еще в начале мая 2020 года, семьям медиков, умерших от коронавируса, полагается компенсация от государства — им должны выплачивать 2,75 млн рублей.

В комиссию по расследованию случаев заражения медработников коронавирусом входят не менее трех человек, в том числе представители больницы, где работал умерший, и сотрудник Фонда социального страхования, который отвечает за выплаты. Члены комиссии нередко приходят к выводу, что погибший медик не мог заразиться на рабочем месте. Смерть врача в итоге признается нестраховым случаем.

По мнению адвоката по медицинским вопросам Юлии Казанцевой, выяснить, при каких обстоятельствах заболел врач на самом деле — сложно, хотя и очевидно, что именно медики

больше всего подвержены заражению ковидом. Помимо этого, отмечает Казанцева, администрация медучреждения обычно указывает в заключении «бытовой способ инфицирования», чтобы снять с себя ответственность. Ведь в противном случае главврача больницы или поликлиники могут наказать — например, за то, что сотрудникам не выдавали маски и перчатки.

Проблема с получением страховых выплат тянется еще с 2020 года, а родственники умерших от ковида врачей сталкиваются с ней по всей России.

Как выяснила «Медиазона», к середине мая 2020-го в России от ковида погибли не менее 186 медработников. На сегодняшний день «Список памяти»[1], где публикуются неофициальные данные о ковидных смертях медработников, содержит 1459 имен.

К концу прошлого года власти отчитались о выплате более 1 млрд рублей родственникам 395 умерших медиков, однако напряженность с выплатами компенсаций наблюдается и сегодня.

Особенно сложно доказать право на страховую выплату семьям тех медиков, которые трудились в больницах, не перепрофилированных под лечение COVID-19. Эта проблема упоминается в петиции, посвященной теме ковидных выплат родственникам погибших медиков.

«Поразительно часто Врачебные комиссии не проводят своевременное, объективное и обоснованное расследование случаев заражения

медицинских работников, так как это невыгодно работодателю погибшего, — говорится в петиции-. — Поэтому родственники погибших медиков вынуждены вместо Врачебной комиссии доказывать, что случай смерти подходит под страховое обеспечение, предусмотренное Указом Президента».

Любовь и Люция Айсаевы. Фото: Ляйля Гимадеева / Медиазона

Автором петиции, под которой подписались почти 46 тысяч человек, была Люция Айсаева, дочь астраханского врача-психиатра Артура Айсаева, умершего от ковида. Девушка вместе с матерью несколько месяцев безуспешно пытались добиться от государства денег, которые полагаются врачам, ставшим жертвами пандемии.

Нестраховой случай

После смерти Айсаева в областной клинической психиатрической больнице его родных заверили, что семья получит страховую выплату. Для этого нужно лишь подождать извещение о предварительном диагнозе острого или хронического профессионального заболевания из больницы, куда за несколько часов до смерти поступил медработник, а потом дождаться расследования комиссии.

Спустя несколько месяцев выяснилось, что к расследованию даже не приступали, говорит Люция Айсаева: оказалось, что извещение в

психиатрическую больницу так и не поступило — его прислали только 30 марта 2021 года, спустя пять месяцев после смерти ее отца.

Она предполагает, что в Александро-Мариинской больнице «просто забили» на документы из-за хаоса, который там творился осенью 2020-го, когда медучреждение перепрофилировали под ковидный госпиталь. Знакомая ее матери, которая работала в этой больнице, рассказывала, что из-за высокой нагрузки, все там пребывало в состоянии «перманентного бардака». Родственники скончавшегося врача не исключают, что до бумаг умершего психиатра никому не было дела.

По словам Айсаевой, в психиатрической больнице, где работал ее отец, занялись документами только после того, как она обратилась в областную прокуратуру.

Саму комиссию для расследования причин смерти Артура Айсаева сформировали лишь после майских праздников, 12 мая. А уже через два дня протокол с заключением был готов. Скорость, с которой комиссия провела расследование, ставит под сомнение его качество, убеждена Айсаева: «Они буквально на коленке создали эту якобы комиссию на бумажке».

Представители психиатрической больницы не нашли связи между выполнением врачом его обязанностей и заражением ковидом. В итоге комиссия пришла к выводу, что Артур Айсаев заразился не на рабочем месте, а значит случай нельзя признать страховым и никаких выплат семье не полагается.

Как врачи, вошедшие в комиссию, пришли к выводу, что Артур Айсаев заболел ковидом не в больнице, принимая пациентов, а где-то еще, его родственникам не объяснили, и никаких доказательств не предоставили. В семье Айсаевых коронавирусом никто тогда не болел, а сам мужчина ездил на работу только на личном автомобиле.

Отдел областной клинической психиатрической больницы, где работал Артур Айсаев. Фото: Ляйля Гимадеева / Медиазона

Спустя почти месяц после расследования семье Айсаева ответили, что признаки заболевания ковидом у психиатра обнаружились лишь 21 ноября, что, как говорят его родственники, — ложь, поскольку на недомогание он пожаловался еще 3 ноября.

При этом еще в июле 2020 года Минздрав выпустил заявление на тему компенсаций медикам, в котором говорилось, что в вопросе страховых выплат сомнения должны трактоваться в пользу медицинских работников.

«Скользкая позиция»

Семья Айсаевых решила оспорить решение врачебной комиссии в суде. Помимо просьбы признать причиной смерти врача заражение ковидом на рабочем месте и выплатить положенную государством компенсацию, его вдова Любовь Айсаева[2] просила также взыскать с психиатрической больницы 1 млн рублей в качестве компенсации морального вреда за некачественное и затянутое расследование.

«Во-первых, не ясно, по какому принципу был выбран исследуемыи инкубационныи период (а именно, с 05.11.2020 г. по 19.11.2020 г.), поскольку состояние здоровья моего супруга начало ухудшаться уже с 03.11.2020 г., — говорилось в иске. — Во-вторых, также не ясно, каким образом комиссия установила, что в этот период у моего супруга, врача психиатрическои- больницы, не было контакта с патогенными микроорганизмами, возбудителями Covid-19, при исполнении служебных обязанностеи, когда данное заболевание может протекать и в бессимптомнои- форме».

По словам юриста «Института права и публичной политики»[3] Виталия Исакова, который представлял интересы Любови Айсаевой, комиссия фактически не расследовала смерть ее мужа. «Они, условно говоря, указывают: нам в больнице, где умер Айсаев, сказали, что заболевание непрофессиональное, значит, мы даже ничего и делать не будем», — отмечает Исаков.

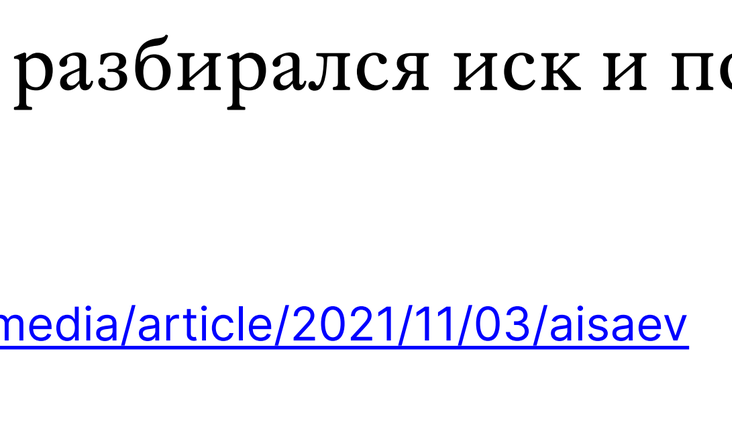
Кроме того, при вынесении решения комиссия почему-то ссылалась на исследование

Роспотребнадзора за декабрь 2019 года — на его основе она установила, что в больнице нет патогенных организмов, которые могли повлечь смерть от ковида. Но их и не могло быть, добавляет Исаков, потому что пандемия началась в 2020 году.

Нежелание признавать случай Айсаева страховым исходит из «скользкой позиции» руководства больницы, которую юрист описывает так: «Я не хочу, чтобы подумали, что у нас что-то не так. Все так. И не мог никто погибнуть. Все чисто и гладко».

В своем возражении[4] на иск психиатрическая больница также ссылалась на объяснения медсестер, работавших с Айсаевым в одном кабинете — медработницы утверждают, что врач не жаловался им на плохое самочувствие в начале ноября.

7 октября, на одном из первых заседаний по иску в Кировском районном суде Астрахани выступала-[5] представитель психиатрической больницы Нейля Джангазиева. «У нас вся администрация переболела, но еще никто ни одной выплаты не получил друг от друга», — сказала юристка и попросила отклонить все требования семьи умершего врача.

Артур Айсаев. Фото: предоставлено дочерью

Следующее заседание состоялось 27 октября и продлилось почти восемь часов. На нем детально разбирался иск и позиции сторон. На следующий

день суд отклонил все претензии вдовы Артура Айсаева и отказался удовлетворять иск. Копию постановления семье погибшего медика до сих пор не выдали — сразу после рассмотрения иска судья ушла в отпуск.

По словам Виталия Исакова, прокурор встал на сторону ответчиков, посчитав, что требования вдовы не обоснованы, а психиатрическая больница не была обязана проверять достоверность документов Роспотребнадзора и медучреждения, где умер психиатр. Нарушение сроков расследования его смерти, по мнению прокуратуры, значения не имеет.

Решение суда семью врача сильно разочаровало, но сдаваться ни вдова, ни дочь умершего психиатра не собираются. «Я думаю, что это глубокий непрофессионализм. Они просто затянули сроки [расследования] в декабре, а потом решили наплевать на этот случай, — рассуждает Люция Айсаева. — Теперь они отбиваются как могут и думают, что мы отстанем от них, если они напишут, что случай не страховой».

Редактор: Мария Климова

---

1. Созданный российскими врачами мемориальный проект с именами медиков, погибших от коронавируса.
2. Иск был составлен от ее имени, копия есть в распоряжении «Медиазоны».
3. Российские власти продолжают массово и бессистемно пополнять списки «иностранных агентов» — туда включают правозащитников, политиков, активистов, журналистов, некоммерческие организации и издания. Закон о СМИ обязывает нас указать, что исследовательская

организация «Институт права и публичной политики» внесена Минюстом в реестр организаций, исполняющих функции иностранного агента.

4. Копия документа есть в распоряжении редакции.

5. Аудиозапись есть в распоряжении «Медиазоны».